

УДК 338(476)

Зенон Стаховяк

ПОИСКИ НОВОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПАРАДИГМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье автор поднимает существенные для современного мира вопросы экономической безопасности с точки зрения новой институциональной экономической теории. Особое внимание сосредотачивается на идентификации и характеристике предпосылок поиска новой концепции экономической безопасности, поиске новой институциональной парадигмы экономической безопасности, а также на вопросах экономической безопасности государства в экономических программах неинституционализма. Подводя итоги, автор указывает на предпосылки, которые должны быть учтены при конструировании модели экономической безопасности.

Введение

Развитие событий последней четверти XX в. и первого десятилетия – XXI [1] указывает на то, что в современном мире экономическая взаимообусловленность приобретает возрастающее значение. Этот факт всё в большей степени направляет внимание политических и научных центров на разработку концепции и исследование содержательной стороны понятия *экономической безопасности*. Современное общество формулирует вопросы относительно экономической безопасности как в глобальном, региональном, так и в национальном измерениях, указывает на сложность этой проблемы и на многогранную взаимосвязь и взаимообусловленность её элементов. Её отдельные компоненты тесно переплетены друг с другом и зависят друг от друга, а также и от конкретной ситуации, характеризуются рангом и изменчивостью. Существует большое количество доказательств того, что ранг этой проблемы улавливается далеко не всегда, часто бывает, что он даже маргинализирован либо, наоборот, окказионально подчёркивает одну из его сторон. На эти слабые стороны порою накладывается инструментальное использование угроз экономической безопасности, связанных с актуальной деятельностью и политической борьбой [2]. А к самому понятию безопасности при этом иногда относятся как ко всемогущему ключу, разрешающему смысловые и идеологические составляющие проблем экономической политики государства.

Своего рода парадоксом является тот факт, что чем больше говорится о безопасности (во всех её измерениях), тем более снижается её уровень. Следом за этим появляется ряд вопросов, конкретизирующих данную проблему, как-то: 1) почему чем больше говорится о социальной безопасности, тем больше расширяется зона бедности и убожества общества; 2) почему чем более одобряются вопросы продовольственной безопасности, тем больше голодных и истощённых людей; 3) почему чем больше поднимается вопрос об обеспечении сырьевой безопасности (особенно энергетической), тем больше увеличивается степень зависимости от импорта газа и нефти; 4) почему делая упор на социальную безопасность, мы имеем дело с ростом армии безработных, которая ежеминутно может генерировать социальную бомбу?

Вопросов такого рода можно сформулировать ещё больше. Однако ввиду исследовательских трудностей определенного рода найти однозначные ответы на них невозможно. Наоборот, появляются очередные вопросы: является ли безопасность проявлением национального вызова (или шире, регионального и глобального) или же скорее проявлением определённой моды, а может, даже фикции – как в публицистическом, так и научно-исследовательском измерении; и имеет ли вообще смысл заниматься этим во-

просом? Поставленные вопросы требуют получения ответов, поэтому в данной статье будет предпринята попытка реализовать эти задачи, ссылаясь на достижения новой институциональной экономики [3].

О необходимости поиска новой концепции экономической безопасности

Попытка найти *новую концепцию экономической безопасности* требует не только изучения сущности понятия экономической безопасности, но и критического подхода к существующей *экономической парадигме*. К такому подходу при решении вопроса клонит как сама суть понятия «безопасность», так и совокупность наблюдений по проверке идеи экономической безопасности в социально-экономической действительности конкретного государства, региональной группировки, а также всего современного мира и, не только в данное время, но также прошедшее время, которое проявляется в конструирующих и предупреждающих элементах понятия безопасности.

Цивилизационные вызовы, вставшие перед современной мировой экономикой, подчиненные продвигающимся процессам экономической глобализации и регионализации, побуждают как теоретиков, так и практиков к поискам решений, соответствующих новой ситуации. Проблема экономической безопасности должна восприниматься в рамках государства, но также и в рамках отдельных регионов (интеграционных группировок), континентов и всего мира. Одним из путей нового подхода к проблеме экономической безопасности могут стать идеи *новой институциональной экономической теории*, возникшей как предложение новой теоретической парадигмы в рамках уже существующего направления институциональной экономики [4]. Ориентация на институциональную мысль вытекает прежде всего из её характера, которая, с одной стороны, критически относится к ортодоксальным направлениям, а с другой стороны, является оферентом новых концепций и пожеланий в адрес экономической политики.

События первой декады XXI века указывают на появление в мировой экономике новых фактов, не встречавшихся до сих пор. Это проблемные и кризисные ситуации, которые следует изучать и решать. Поэтому всё большее значение приобретает подход, указывающий на то, что при решении этих проблем нельзя прибегать лишь к тем средствам, которые потенциально используются непосредственно для устранения проблемы, но нужно использовать и превентивные средства по предотвращению распространения таких проблем.

Такая философская позиция, описывающая способ формирования экономической безопасности в любом её измерении требует, кроме прочего, осуществления ревизии используемой до сих пор классической парадигмы. Это означает, что необходимо модернизировать принятый большинством ученых способ восприятия действительности, теоретической убежденности и экспериментальных методов, представляющих собой определенную исследовательскую традицию¹. Следует отметить, что оспаривание верности парадигмы ортодоксального подхода мы замечаем всё чаще и этот процесс усиливается изо дня в день.

Реализация гуманистической картины мира постоянно натывается на значительные барьеры. В экономической действительности нельзя реализовать доброе и счастливое видение мира, так как такое состояние вытесняется из реальной действительности конкуренцией, соперничеством и угрозами конфликтов, что подтверждают трагические факты в разных частях мира.

Парадигмы рациональности и гуманизма не в состоянии уйти из сферы идеи и перейти к действительности. Кризис этих парадигм усиливают одновременно нарас-

¹ Как правило, в ортодоксии это рациональный способ мышления, априори предполагающий правдивость определённых теорий о мире и его логическую понятийную описательность.

тающее социальное и экономическое неравенство, также ведущее к кризису существующей концепции экономической безопасности. Эта ситуация мотивирует нас к концептуальным изменениям, а следом к поискам новых парадигм [5], таких, которые лучше бы решали проблемы современного мира, которые бы выполняли роль интеллектуальной базы, необходимой для практической ориентации человека в решении проблем, в инициировании нового отношения к миру, а также активности в этом мире, которые позволили бы ещё раз поставить вопросы, ведущие к ответам, имеющим нетрадиционные способы (по сравнению с уже существующим) интерпретации фактов.

Итак, речь идёт о приведении таких парадигм, которые в соответствии с философской теорией и методологией познания будут восприниматься как признанные всеми научные достижения, представляющие новые модельные решения в данной области науки, или которые могут повлечь за собой новые модельные решения в смежных областях и стать существенной составляющей современного мировоззрения. Таким образом, новые парадигмы можно определить как некий образец, или самую общую модель, либо как образцовый пример, который содержит набор основных мировоззренческих предпосылок.

Формулирование новой парадигмы экономической безопасности

Новая парадигма, должна благоприятствовать положительному отношению человека к экономической безопасности, выражающемуся в принятии им, а шире, обществом и его институтами, части ответственности за его формирование. Это означает, что идея новой парадигмы вырастает из оспаривания *традиционного (просветительного) понимания экономической безопасности*. Такое понимание закреплено в рациональном подходе, согласно которому «реальность» можно всегда изучать научным образом и соответственно изменять её. Согласно ней, кризисные и конфликтные ситуации можно заранее запланировать и управлять ими. Можно определить силы и средства, запланировать действия. В рамках этих действий возростала сила государства и люди подчинялись этой силе, что на практике приводило к простому «порабощению» людей. Государство в рамках этой парадигмы выступало с апологией силы как средства достижения экономического могущества и прогресса.

Современная политическая и этическая мысль, возникшая в рамках просветительной парадигмы, достигла своего апогея в обосновании силы как средства, с помощью которого достигается обозримое и планируемое будущее, реализуется понимание политики как инструмента аккумуляции и аппликации силы.

Критика парадигмы просвещения выходит из следующей предпосылки: *там, где существует одно правдивое, с точки зрения рассматриваемой парадигмы, восприятие мира, мотивированное и оправданное той или иной формой разума (мышления), нельзя избежать конфликтов и кризисных ситуаций и, следовательно, аккумуляции средств силы.*

Если это верно, то устранение угроз безопасности, которые являются одной из главных причин современных кризисных ситуаций (от вооружённых конфликтов до экологических катастроф), требуют отречения от классической парадигмы Ньютона. Речь идёт прежде всего об отречении от механического представления о линейном развитии процессов и явлений, о бесконечной вере в силу разума на пути к истине и, что является особенно опасным, представлении о том, что человек может окончательно овладеть природой и обеспечить на этой основе универсальное и безопасное будущее всего человечества. Отрекаясь от «ньютоновой» парадигмы, необходимо таким образом изменить политическое и этическое мышление (в случае, например, применения средств и инструментов силы), чтобы оно было пригодным для оценки интересов и целей людей и позволило

бы объяснять пути, ведущее к реализации дискуссии по вопросам обязательств несмотря на различные формы идеологической направленности государств.

Одобрѣя специфїку познания как такового, *постмоденїстїческая парадїгма* ставит на место идеи об единственности правдивого отражения мира (научной истины) идею плюрализма (множества правд). Вместо *гомогенного единства* внимание акцентируется на *гетерогенности и множественности*, необходимость объединения и овладения, которые традиционно объясняются преобладанием одной (в настоящее время научной) парадигмы над другими, заменяется одобрением дифференциации и диверсионности. Поэтому такое одобрение исключает унификацию взглядов (идей, идеалов, норм, ценностей), интересов, потребностей, общественных отношений, социально-экономических систем и т.п.

В реальной жизни не существует плоских и прямолинейных взаимодействий. Однако если принимать такое восприятие действительности, то последнее можно охарактеризовать как искусственный способ мировоззрения. Действительность на самом деле состоит не из ряда совместно существующих и постепенно приближающихся событий во всех плоскостях проявления, а из ряда случаев, где одно событие может изменить очередное и привести совсем непредсказуемые результаты, даже катастрофического характера и последствий. Однако это не означает, что могут случиться такие кризисные ситуации и конфликты, которых можно было бы избежать или же повлиять на характер их развития. Результат развития любого процесса определяет некоторая сумма информации, позволяющая создать определённую, общую картину ситуации, которая, однако, легко поддается изменениям, позволяющим иногда избежать конкретной угрозы или минимализировать её последствия. Это обозначает, что результат развития события можно предвидеть лишь с определённой долей вероятности.

Смена парадигмы – это кроме всего прочего, также и смена процессов восприятия роли и значения общественных, политических, военных или же религиозных организаций. Нельзя поддерживать определенный способ мышления и действия, который опирается, с одной стороны, на рациональную экономическую безопасность, а с другой, стороны на механизмы приказов и контроля. Но почему? Да потому, что ни одна традиционная форма разума, не может обосновать необходимость силовой интервенции в случае кризисной ситуации. Если же подобный подход принимается за основу, то в таких случаях всегда возникнет опасность угрозы тоталитаризма и гегемонии во всех формах ее проявления и с разными последствиями. В современном плюралистическом и дифференцированном мире требуется иное мышление, такое, которое было бы в состоянии сформулировать и затем популяризировать иные, нежели высшие политические и этические цели, причины накопления и использования средств силы.

Традиционный и самый общий подход к роли силы в жизни общества начинается с предпосылки о том, что задачей государства является прежде всего реализация интересов безопасности учреждений и организаций, подвергаемых опасности везде, где отсутствует гармония и порядок. *Это означает, что обеспечение безопасности ограничивается лишь широко понимаемой внутренней и внешней безопасностью, а её необходимым гарантом должна стать аккумуляция силы, так как причиной хаоса в государстве и анархии в международных отношениях всегда является её недостаток.* Таким образом, накопление и аппликация силы является первейшей необходимостью государства. Далее формулируется тезис о том, что в мире конкуренции и соперничества нельзя избежать насилия.

Авторитетные исследователи проблем безопасности, стремящиеся к реализации идеи об отказе от концепции политического реализма, исходят из того, что безопасность подвергается угрозам не там, где возникают такие угрозы для государства и на-

рода, но там, где внутри общества и в международных отношениях действуют не морально-этические принципы, а насилие.

Поэтому улучшение положения вещей вообще и обеспечение безопасности не могут быть гарантированы лишь силой (государства, союза государств); кроме этого, внутригосударственные и международные отношения должны опираться и на другие, в данном случае, моральные основы. Если контакты индивидуальных лиц и государств будут опираться на универсальные моральные принципы и основы, то в результате сформируется как внутренний порядок, так и порядок внешних отношений, а в целом – общая безопасность человечества.

Аргументы, приведённые выше, доказывают, что радикальное и, соответственно, новое решение проблемы безопасности является возможным лишь на основании такого подхода, который отказывается от ньютоновой парадигмы, основанной на единственности правды и на силе в разрешении конфликтов, но одобряет реальный плюрализм целей и решений (а также идей, идеалов, ценностей, норм, политических и общественных систем и т.п.) и открывает в последствии пространство для терпимости, подчёркивает значение диалога, достижения компромисса и консенсуса.

Парадигма новой институциональной экономической теории как структурное основание концепции экономической безопасности

Формирование структуры исследовательской парадигмы новой институциональной экономической теории [6] является процессом, который использовал достижения передовых неoinституционалистов, ссылавшихся на взгляды и употреблявших понятия великого основателя институционализма Т.Б. Веблена. Была использована *концепция социально-экономической системы*, истолковываемая как совокупность различных институтов: в первую очередь, полезных, то есть таких, которые связаны с миром промышленности (*industry*) и которые определяют ту часть системы, где трудящийся класс, возбуждаемый правом на хорошо оплачиваемую работу, реализует производственный процесс; и бесполезных, то есть таких, которые связаны с миром бизнеса (*business*), определяющих ту часть системы, где праздный класс руководствуется мотивом получения прибыли, а целью его существования является демонстративное потребление [7]. Причём под понятием «социальных институтов» рассматривались так называемые «доминирующие способы мышления, учитывающие отдельные социальные условия, отдельные функции индивида и общества... навыки мышления либо способы подхода к явлениям... Они являются продуктами прошлого, приспособленными к тогдашним условиям, поэтому, никогда не пребывают в полном согласии с современными требованиями» [8]. Между полезными и бесполезными институтами, представляющими разные хозяйственные миры, сформировались отношения, основанные на частной собственности на средства производства. В качестве движущей силы и источника развития либо перемен неoinституционалисты усматривали процесс непрерывного совершенствования технологий.

При этом неoinституционалисты использовали принцип сознательности, то есть наряду с предпосылками, которые определяли, что некоторая научная парадигма должна быть описана и выдвинута ее основателями, существовали также некоторые другие требования к парадигме: 1) она не дана раз и навсегда; 2) она должна быть принята на основе принципа консенсуса большинством исследователей; 3) она может периодически подвергаться основным преобразованиям, приводящим к глубоким изменениям в науке, именуемым научной революцией; 4) она должна оспаривать идею абсолютной закономерности. Неoinституционалисты также предполагали, что научная парадигма должна при этом, характеризоваться логической и понятийной связностью, относительной простотой, то есть, должна заключать в себе только такие понятия и теории,

которые действительно необходимы для данной науки, а также предоставлять возможность формирования отдельных теорий, соответствующих известным фактам. Относясь к своей научно-исследовательской парадигме как к фундаментальной научной предпосылке по отношению к действительности, которая принимается как очевидная и не отрицается в исследованиях, неоинституционалисты приводили и несколько основных исследовательских вопросов, а именно: 1) носит ли действительность объективный характер, или же отчасти субъективный? 2) для того, чтобы хорошо понять какой-то общественный процесс, нужно ли быть его участником? 3) и подвергается ли общественная действительность постоянному преобразованию или всё время остаётся той же самой?

К этой группе исследователей в первую очередь следует отнести Эдвина Эйрса Кларенса (*E.E. Ayres*), который значительно обогатил существующую картину социально-экономического процесса. У него экономика функционирует в окружении «культуры», которая воспринимается как организованная система человеческого поведения, где, с одной стороны, мы встречаемся с институциональным пространством (его еще называют церемонным), а с другой стороны, с технологической средой. Далее, согласно его убеждениям, каждая экономическая система находится под постоянным давлением и со стороны сил воздействия различных институтов (легенд, обычаев, общественной иерархии), и со стороны стимулов, создаваемых технологией.

Ссылаясь на инструментальную философию хозяйствования, занимающуюся анализом использования ограниченных ресурсов для достижения индивидуальных и групповых целей, Э.Э. Кларенс формулирует постулат о взаимоприспособлении (*adjustment*) этих противоположных сил (институтов и технологии). Пространством процесса приспособления является экономическая система, которую образуют два соединенных друг с другом, но остающихся в постоянном противоречии блока: *первый блок* – это **ценовая экономика** (*price economy*), идентифицированная как комплекс исторически выработанных институтов, принимающий за основу церемонное поведение, ценность которого вытекает из существования власти, опиравшейся на силу денег; *второй блок* – это **промышленная экономика** (*industrial economy*), основанная на технологии, науке и инструментах труда. Каждый из этих блоков генерирует различные ценности: первый – *ценовую категорию стоимости*, второй – *промышленную ценность*. Синтезом этих подходов является *идея разумного общества* (*reasonable society*), показателями эффективности или результативности которого должны быть обилие благ, качество жизни, свобода, безопасность и совершенство.

К так понимаемому разумному обществу в соответствии со взглядами Э.Э. Кларенса должен стремиться общественный прогресс, то есть такой, который обеспечивает непрерывность существования человечества благодаря развитию науки, творчества, культуры в противовес прогрессу неоклассического толка, реализующему цели максимизации полезности и удовлетворения, вытекающих из амбиций личности (индивида). За правильным направлением эволюции общественного прогресса должен следить институт общественного планирования.

Ценные идеи для построения парадигмы новой институциональной экономической теории внёс Карл Поланьи (*K. Polanyi*). Он осуществил анализ распада цивилизации XIX века, основывавшей свое существование на четырёх основных постулатах: равновесии сил, золотом стандарте, саморегулирующемся рынке и либеральном государстве. По его мнению, эта цивилизация пришла в упадок потому, что её экономика была основана на личных интересах индивида и действовала вопреки интересам общества. Эти выводы, по нашему мнению, подтверждаются аргументами *экономической антропологии*.

Заметный вклад в разработку парадигмы неоинституциональной экономики внесли методологические труды Карла Рэймонда Поппера (*K.R. Popper*), Томаса Куна

(*T.S. Kuhn*) и Имре Лакатоша (*I. Lakatos*). Причём если труды первых двух следует признать диаметрально противоположными, то третий ученый попытался перекинуть мост между теоретическими позициями первых двух.

В своих научных исследованиях К.Р. Поппер отвергает индукционизм, то есть такое исследовательское поведение, которое на основе использования индуктивного умозаключения и множественных наблюдений ведет к созданию теории. Он постулировал следующий исследовательский путь по схеме: поставить определённый вопрос, используя существующую теорию, устранить ошибки старой теории, поставить новый вопрос. Следует также отметить, что К.Р. Поппер упорно боролся против историзма в экономике, то есть такого взгляда на окружающую действительность, в соответствии с которым можно предвидеть неизбежный ход истории. Широко известен и постулат К.Р. Поппера о проверке гипотез посредством их отвержения, то есть *фальсификации*. Это означает, что *критерий демаркации* – научности или ненаучности теорий – проходят только те, которые могут быть опровергнуты на основе построения такой логической формы, использующей практический опыт, которая может эту теорию опровергнуть.

В свою очередь Т.С. Кун борется с историзмом в его попперовском понимании. Именно историческим знаниям он придаёт особенно важное значение. Он считает, что нельзя относиться к ним исключительно как к описанию хронологически взятых событий, которые пытаются восстановить непрерывную линию развития, их следует использовать для раскрытия интегральности науки в отдельных исторических периодах. Он вводит понятие парадигмы как особой «матрицы научной дисциплины»², которую понимает как совокупность определённых обобщений, моделей, ценностей и образцов, одобряемых учёными. В её пределах он помещает «нормальную» научную деятельность, задачей которой является решение разных «загадок и головоломок», вплоть до появления аномалий, то есть фактов, не поддающихся выяснению на основании матрицы. Именно такая ситуация такая ведёт к кризису, последствием которого является научная революция, после которой появляется новая научная парадигма. При таком толковании процесса развития науки, ее можно представить не как медленную аккумуляцию знаний, но как скачкообразный процесс.³ Отверг Т.С. Кун (*T.S. Kuhn*), также как и К.Р. Поппер (*K.R. Popper*), индуктивизм в экономических исследованиях.

И. Лакатош (*I. Lakatos*) постарался совместить основные взгляды К.Р. Поппера (*K.R. Popper*) и Т.С. Куна (*T.S. Kuhn*) путём поиска определённого синтеза в их трактовке, излагая одновременно и собственные взгляды на проблемы методологии. Наибольший интерес представляет **концепция научных исследовательских программ**, под которой понимаются небольшие наборы более или менее связанные друг с другом теории. В их структуре выделяет он «твёрдое ядро», образующее совокупность фундаментальных и условно неопровержимых предпосылок, содержание которых подвергается медленным изменениям, а также «защитную оболочку», окружающую «твёрдое ядро», которая состоит из вспомогательных гипотез, модифицированных в соответствии с необходимостью защиты основ данной научной исследовательской программы.

Идея парадигмы неинституциональной экономики есть совокупность всех приведённых выше взглядов. Она направлена на создание комплексного познавательного подхода, диктующего необходимость применения метода моделирования (а точнее, образцовой модели), позволяющего сосредоточить внимание на отношениях между час-

² Её называют также термином «дисциплинарная матрица» (*disciplinary matrix*) и трактуют как самую сплочённую и самую интернализированную учёными часть парадигмы. Состоит она из символических генерализаций, метафизической составляющей парадигмы, ценности и формул для решения научных вопросов.

³ Данную точку зрения Т.С. Кун смягчил со временем, допуская также постепенный переход к новой парадигме.

тиями и целым, искать сплочённое единство явлений и следить за процессом общественной эволюции [9]. Она основывается на совокупности элементов, которые составляют «ядро» парадигмы и «защитные оболочки», являющиеся ее окружением.

Ядро парадигмы институциональной экономики, по нашему мнению, образуют четыре структурных элемента: 1) «общественные церемонии», 2) «технология» (соответствующие идеи мира бизнеса и мира промышленности Т.Б. Веблена), 3) «философия» (взгляды *S.E. Aresa*, прагматизм Д. Девея (*J. Dawey*)⁴ и инструментализм)⁵ 4) «среда» (взгляды К. Поляни (*K. Polani*) и его экономическая антропология). У каждого из этих элементов собственная «защитная оболочка», характеризующая основные детерминанты. «Общественные церемонии» описываются следующими детерминантами: институты, убеждения и ценности. В свою очередь «технологии» описываются детерминантами такими: инструменты и квалификации. «Среду» конкретизируют такие детерминанты, как флора, почва, фауна, климат. «Философия» же была описана детерминантами общественного правомочия (на основе критериев общественного правомочия – «*social legitimacy*» *W.C. Neale*)⁶; участвующей демократии (на основе «*participatory democracy*» *M.T. Toola*)⁷ и достаточности (достаточность – «*sufficiency*» – К. Поляни).

Формула представленной парадигмы институциональной экономики предполагает, что наблюдатель реальности, который намеревается её исследовать, не может быть нейтральным, а потому не будет объективным, так как он всегда является представителем определённой культуры. При этом он вынужден учитывать достижения многих наук, чтобы давать оценочные суждения. Учитывая этот факт, наблюдатель делает попытки совершенствования парадигмы. Так делюет *F.G. Hayden*⁸, *G.M. Hodgson*⁹, *F.G. Hayden*, которые популяризируют концепцию матрицы социальной системы. Последняя состоит из потоков и ресурсов, не имеющих единого деноминатора, отдельные ее элементы интегрируют отношения бесплатных услуг, распределения и обмена [10].

G.M. Hodgson вводит в парадигму институциональной экономики четыре основных постулата: 1) концепцию рыночного обмена, понимаемого как трансферт прав собственности; 2) рыночные институты, воспринимаемые как совокупность общественных институтов, где с особой регулярностью обмениваются товарами и услугами; 3) предприятие как организацию, действующую в условиях неуверенности и с экономическим расчётом и обеспечивающую снижение альтернативных издержек; 4) ожидания, сводящиеся к постулату о создании институтов, благоприятствующих формированию в будущем смешанной общественно-хозяйственной системы, где будут сосуществовать традиция, рынок и планирование.

⁴ John Davey (1859–1952) – американец, сторонник инструментализма (вида прагматизма).

⁵ Инструментализм предполагает, что познание имеет ценность только тогда, когда может оно быть эффективным инструментом для практических действий.

⁶ Walter Castle Neale (1925) – автор положений о критериях общественного правомочия.

⁷ Marc R. Tool (1921) создатель концепции участвующей демократии.

⁸ F. Gregory Hayden – американец, профессор University of Nebraska. Автор концепции таблицы матрицы социальной системы общества, которая состоит из потоков и ресурсов, не имеющих единого деноминатора. Отдельные элементы матрицы интегрируют отношения бесплатных услуг, распределения и обмена. Таблицу матрицы трактовал как вспомогательный инструмент для аналитиков и планистов.

⁹ Geoffrey M. Hodgson (1946) – англичанин, преподаватель экономики в британских, французских, австрийских, шведских, американских и японских высших школах. Автор работ «Экономика и институты. Манифест современной институциональной экономики» (*Economics and Institution. A Manifesto for a Modern Institutional Economics* – 1989); (*Экономика и эволюция: восстановление жизни экономике*) (*Economics end evolution: bringing Life back into Economics* – 1993); (*Эволюция и институты. Об эволюционной экономике и эволюции экономики*) (*Evolution and Institutions. On Evolutionary Economics and the evolution of Economics* – 1999); (*Эволюция институциональной экономики: предмет, структура и дарвинизм в американском институционализме*) (*The Evolution of Institutional Economics: Agency, Structure and Darwinism in American Institutionalism* – 2004).

Заключение

Резюмируя идентифицированную нами парадигму новой институциональной экономической теории относительно современных вопросов экономической безопасности в социально-экономических программах правительств, мы получаем право на выделение ряда предпосылок для конструирования новой модели экономической безопасности. Среди них следует указать на следующие:

- *во-первых*, экономическую безопасность надо воспринимать как показатель разумного общества;
- *во-вторых*, формирование экономической безопасности должно осуществляться на основе смешанной экономики (*mixed economy*), создаваемой как плановым сектором (*большие корпорации – мегакорпорации, являющиеся косвенными образованиями между частными предприятиями и публичными институтами, способными к управлению на основании самодействующего регулятора – значительной частью спроса и предложения*), так и рыночным сектором (*средние и малые фирмы, действующие стихийно*);
- *в-третьих*, объём и структура производства должны быть координированы в рыночном секторе с техническим прогрессом, посредством охраны интересов лиц занятых в нём;
- *в-четвёртых*, следует расширить сферу обязательств по социальным минимумам (платы, пособия...) и социальной защите населения от действия рыночного сектора;
- *в-пятых*, рыночный сектор в области науки, просвещения, основного капитала и техники должен обязательно поддерживаться государством и развиваться им в целях перехода от одной технологической границы к последующей;
- *в-шестых*, экономическая политика должна уделять больше внимания вопросам развития человеческих ресурсов как созидательному фактору производительности, эгалитаризма, стабилизации и экономического роста при одновременном отрицании восприятия «человеческого капитала» в качестве рыночного товара;
- *в-седьмых*, подчёркивать отсутствие согласия на отношение к материальным ресурсам как к ограниченному производственному фактору и ориентироваться в этой сфере на изменение роли и значения развития технологий;
- *в-восьмых*, следует признать необходимость учета всей совокупности экологических вопросов при оценке параметров экономической безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Jakubczak, R. Bezpieczeństwo narodowe Polski w XXI wieku. Wyzwania i strategie / R. Jakubczak, J. Flis. – Warszawa, 2006.
2. Stachowiak, Z. Gospodarcze podstawy bezpieczeństwa jako obiekt badawczy ekonomiki bezpieczeństwa / Z. Stachowiak. – Warszawa : AON, 2003. – 56–64 s.
3. Stachowiak, Z. Paradygmat nowej ekonomiki instytucjonalnej podstawą budowy modelu bezpieczeństwa ekonomicznego, w: Badania operacyjne i systemowe a zagadnienia społeczeństwa informacyjnego, bezpieczeństwa i walki / pod red. J. Kacprzyk [i dr.]. – Warszawa : PAN – IBS, 2008. – 231–240 s.
4. Stankiewicz, W. Ekonomika instytucjonalna / W. Stankiewicz. – Warszawa : Wydawnictwo PWSzBiA, 2007. – S. 31–52.
5. Kuhn, Th.S. Struktura rewolucji naukowych / Th.S. Kuhn. – Warszawa, 1962.
6. Radwan, E. Kryzys paradygmatu, bezpieczeństwo personalne i strukturalne wobec wyzwań współczesnego świata / E. Radwan ; pod redakcją naukową L. Kanarskiego :

materiały z Międzynarodowej konferencji naukowej zorganizowanej w dniu 23 października 1999 r. – Warszawa, 2000. – S. 4–9.

7. Stankiewicz, W. Historia myśli ekonomicznej / W. Stankiewicz. – Warszawa : PWE, 1988. – s. 492–496.

8. Veblen, T. Teoria klasy próżniaczej / T. Veblen. – Warszawa : PWN, 1971. – 171 s.

9. Stankiewicz, W. Historia myśli ekonomicznej / W. Stankiewicz. – Warszawa : PWE, 1988. – S. 497–499.

10. Stankiewicz, W. Historia myśli ekonomicznej / W. Stankiewicz. – Warszawa : PWE, 1988. – S. 500–502.

Stachowiak Z. Searches of the new research paradigm of economic safety

Author brings up the questions of economic security essential to the modern world in terms of new institutional economic theory. Special attention concentrates on: identification and characterization of the prerequisites research of a new concept of economic security; the new institutional paradigms research of economic security, as well as on issues of the state economic security in economic programs of neoinstitutionalism. Summing up, the author points out the preconditions that must be taken into account at model designing of economic security.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 29.04.10